
БИБЛІОГРАФІЯ.

„ВЪХИ“.

Столь много на шумѣвшій сборникъ „Вѣхи“ своимъ содержаніемъ вполне оправдываетъ возбужденное имъ вниманіе. Къ нему можно относиться съ различными чувствами, сочувственно или враждебно, но нельзя пройти мимо него индифферентно: онъ *renovat* слишкомъ недавнюю *dolorem*, берeditъ слишкомъ свѣжія раны, касается слишкомъ близкихъ предметовъ.

Рецензентъ могъ бы указать бѣгло на содержаніе каждой изъ входящихъ въ сборникъ статей (Н. А. Бердяева Философская истина и интеллигентская правда; С. Н. Булгакова Героизмъ и подвижничество; М. О. Гершензона Творческое самосознаніе; А. С. Изгоева Объ интеллигентной молодежи; Б. А. Кистяковского Въ защиту права; П. Б. Струве Интеллигенція и революція и С. Л. Франка Этика нигилизма). Но отъ такого пріема отпугиваетъ опасность крайней сжатости и протекающей отсюда неясности рѣчи. Поэтому предпочитаемъ съ большимъ вниманіемъ остановиться на лучшей статьѣ сборника—С. Н. Булгакова Героизмъ и подвижничество (изъ размышленій о религіозной природѣ русской интеллигенціи).

I.

Пережитая революція, которая не дала того, чего отъ нея ожидали, ставитъ вопросъ о нравственныхъ и религіозныхъ устояхъ нашей интеллигенціи. Нашей интеллигенціи выпала въ послѣдніе годы выдающаяся и отвѣтственная роль. Она духовно оформляла инстинктивные стремленія массъ, зажигала ихъ своимъ энтузіазмомъ, была нервами и мозгомъ

гигантскаго тѣла революціи. Въ этомъ смыслѣ революція есть духовное дѣтище интеллигенціи, а, слѣдовательно, ея исторія есть историческій судъ надъ этою интеллигенціей.

Самая основная особенность нашей интеллигенціи въ ея отношеніи къ религіи. Нельзя понять также и основныхъ особенностей русской революціи, если не держать въ центрѣ вниманія этого отношенія интеллигенціи къ религіи. Историческое будущее Россіи также стягивается къ рѣшенію вопроса, какъ самоопредѣлится интеллигенція въ отношеніи къ религіи.

Многократно указывалось (вслѣдъ за Достоевскимъ), что въ духовномъ обликѣ русской интеллигенціи имѣются черты религіозности, иногда приближающейся даже къ христіанской. Извѣстная неотмирность, эсхатологическая мечта о Градѣ Божіемъ, о грядущемъ царствѣ правды, чувство виновности предъ народомъ, стремленіе къ спасенію человечества и неизмѣнная готовность на всякія жертвы—составляютъ, какъ извѣстно, неизмѣнныя и отличительныя особенности русской интеллигенціи, воспитанныя въ ней церковной традиціей. Сюда же нужно присоединить нѣкоторый пуританизмъ, ригористическіе нравы, своеобразный аскетизмъ, вообще, строгость личной жизни. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, извѣстно, что нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская. Атеизмъ есть общая вѣра, въ которую крещаются вступающіе въ лоно церкви интеллигентски-гуманистической, и не только изъ образованнаго класса, но и изъ народа. И такъ повелось изначала, еще съ духовнаго отца русской интеллигенціи Бѣлинскаго. И какъ всякая общественная среда вырабатываетъ свои привычки, свои особыя вѣрованія, такъ и традиціонный атеизмъ русской интеллигенціи сдѣлался самой собою разумѣющеюся ея особенностью, о которой даже не говорятъ, какъ бы при знакомѣ хорошаго тона. Нѣтъ болѣе важнаго факта въ исторіи русскаго просвѣщенія, чѣмъ этотъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ приходится признать, что русскій атеизмъ отнюдь не является сознательнымъ отрицаніемъ, плодомъ сложной, мучительной и продолжительной работы ума, сердца и воли, итогомъ личной жизни. Нѣтъ, онъ берется чаще всего на вѣру и сохраняетъ эти черты наивной религіозной вѣры, только наизнанку, и это не измѣняется вслѣдствіе того, что онъ

принимаетъ воинствующія, догматическія, наукообразныя формы. Эта вѣра беретъ въ основу рядъ не критическихъ, непровѣренныхъ и въ своей догматической формѣ, конечно, неправильныхъ утверженій, именно, что наука компетентна окончательно разрѣшить и вопросы религіи и притомъ разрѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ; къ этому присоединяется еще подозрительное отношеніе къ философіи, особенно метафизикѣ, тоже заранѣе отвергнутой и осужденной.

Отбрасывая христіанство и устанавливаемыя имъ нормы жизни, вмѣстѣ съ атеизмомъ или, лучше сказать, вмѣсто атеизма наша интеллигенція воспринимаетъ догматы религіи челоуѣкобожества, переходитъ въ идолопоклонство этой религіи. Основнымъ догматомъ этой религіи является вѣра въ естественное совершенство челоуѣка, въ безконечный прогрессъ, осуществляемый силами челоуѣка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, механическое его пониманіе. Такъ какъ все зло объясняется внѣшнимъ неустройствомъ челоуѣческаго общества, и потому нѣтъ ни личной вины, ни личной отвѣтственности, то вся задача общественнаго устройства заключается въ преодолѣніи этихъ внѣшнихъ неустройствъ, конечно, внѣшними же реформами. Отрицая Провидѣніе и какой-либо изначальный планъ, осуществляющійся въ исторіи, челоуѣкъ ставитъ себя здѣсь на мѣсто Провидѣнія и въ себѣ видитъ спасителя своего и своей родины. Интеллигенція стала по отношенію къ русской исторіи и современности въ позицію героическаго вызова и героической борьбы. *Героизмъ*—вотъ то слово, которое выражаетъ основную сущность интеллигентскаго міровоззрѣнія и идеала, притомъ героизмъ самообоженія. Вся экономія ея душевныхъ силъ основана на этомъ самочувствіи. Изолированное положеніе интеллигента въ странѣ, его оторванность отъ почвы, суровая историческая среда, отсутствіе серьезныхъ знаній и историческаго опыта, все это взвнчивало психологію этого героизма. Интеллигентъ, особенно временами, впадалъ въ состояніе героическаго экстаза, съ явно истерическимъ отбѣнкомъ. Россія должна быть спасена, и спасителемъ ея можетъ и должна явиться интеллигенція. Страданія и гоненія больше всего канонизируютъ героя и въ его собственныхъ глазахъ, и для окружающихъ. И такъ какъ влѣдствіе печальныхъ особенностей русской жизни, такая участь пости-

гаетъ его нерѣдко уже въ юномъ возрастѣ, то и самосознание это тоже появляется рано, и дальнѣйшая жизнь тогда является лишь послѣдовательнымъ развитіемъ въ принятомъ направленіи. Героическій интеллигентъ не довольствуется поэтому ролью скромнаго работника, его мечта—быть спасителемъ челоѳчества или, по крайней мѣрѣ, русскаго народа. Для него необходимъ не обезпеченный минимумъ, но героическій максимумъ. Максимализмъ есть неотъемлемая черта интеллигентскаго героизма, съ такой поразительной ясностью обнаружившаяся въ годину русской революціи. Такой максимализмъ имѣетъ признаки идейной одержимости, самогипноза, онъ сковываетъ мысль и вырабатываетъ фанатизмъ, глухой къ голосу жизни. Этимъ дается отвѣтъ и на тотъ историческій вопросъ, почему въ революціи торжествовали самыя крайнія направленія.

Далѣе, психологіей героизма объясняется возведеніе партійныхъ программъ на высоту религіознаго credo, фанатическая непримиримость враждующихъ между собою фракцій. Героизмъ, какъ общераспространенное міроотношеніе, есть начало не собирающее, но разъединяющее, онъ создаетъ не сотрудииковъ, но соперниковъ. Вслѣдствіе своего максимализма интеллигенція остается малодоступна и доводамъ историческаго реализма и научнаго знанія. Такое міроотношеніе гораздо болѣе приспособлено къ бурямъ исторіи, нежели къ ея затишью, которое томитъ героевъ. Психологіи интеллигентскаго героизма больше всего импонируютъ тѣя общественныя группы и внѣшнія положенія, при которыхъ онъ наиболѣе естественъ во всей послѣдовательности прямолинейнаго максимализма. Самую благопріятную комбинацію этихъ условій представляетъ у насъ учащая молодежь. Благодаря молодости съ ея физиологіей и психологіей, недостатку жизненнаго опыта и научныхъ знаній, замѣняемому пылкостью и самоуѳренностью, благодаря привилегированности соціальнаго положенія—наша молодежь выражаетъ съ наибольшей полнотой типъ героическаго максимализма. Отсюда *духовная пэдократія* (господство дѣтей)—это величайшее зло нашего общества, а вмѣстѣ и симптоматическое проявленіе интеллигентскаго героизма, его основныхъ чертъ, но въ подчеркнутомъ и утрированномъ видѣ. Наконецъ, съ максимализмомъ цѣлей у интеллигенціи со-

единяется и максимализмъ средствъ, такъ прискорбно проявившейся въ послѣдніе годы,—неразборчивость средствъ, это героическое „все позволено“...

Съ этимъ интеллигентскимъ героизмомъ С. Н. Булгаковъ, во второй половинѣ своей статьи, сопоставляетъ противоположный ему духовный обликъ—христіанскаго героизма, т. е. христіанскаго подвижничества.

Христіанскій подвижникъ вѣрить въ Бога-Промыслителя. Поэтому исторія и единичная человѣческая жизнь представляются въ его глазахъ осуществленіемъ строительства Божія. Его вниманіе сосредоточивается на сознаніи личного долга и его исполненія, на самоконтроль, и это перенесеніе центра вниманія на себя и свои обязанности, освобожденіе отъ фальшиваго самочувствія непрізаннаго спасителя міра—оздоравливаетъ душу, наполняя ее чувствомъ здороваго христіанскаго смиренія.—Тогда какъ героическій максимализмъ цѣликомъ относится къ достиженію внѣшнихъ цѣлей, а относительно личной жизни, самодисциплины, онъ оказывается минимализмомъ; напротивъ, христіанское подвижничество есть прежде всего максимализмъ въ личной жизни, въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ самому себѣ. Христіанскій герой, или подвижникъ, не связывая съ чѣмъ бы то ни было индивидуальнымъ усиліемъ судебъ исторіи и человѣчества, въ своей дѣятельности видитъ прежде всего исполненіе своего долга предъ Богомъ, Божьей заповѣди, къ нему обращенной.—Христіанское подвижничество есть непрерывный самоконтроль, борьба съ низшими, грѣховными сторонами своего я, аскеза духа. Если для героизма характерны вспышки, исканіе великихъ дѣяній, то здѣсь, напротивъ, нормой является ровность теченія, „мѣрность“, выдержка, неослабная самодисциплина, терпѣніе и выносливость, дѣланіе по чувству *послушанія* (промыслу, совѣсти). Эта дисциплина „послушанія“ должна содѣйствовать выработкѣ исторической трезвости, самообладанія, выдержки; она учитъ нести историческое тягло, яремъ историческаго послушанія, она воспитываетъ чувство связи съ прошлымъ, тогда какъ гуманистическій прогрессъ есть презрѣніе къ отцамъ, отвращеніе къ своему прошлому и его полное осужденіе.

Какъ между мучениками первохристіанства и революціонѣтъ никакого внутренняго сходства при всемъ внѣшнемъ

тожествѣ ихъ подвига, такъ и между интеллигентскимъ героизмомъ и христіанскимъ подвижничествомъ, даже при вѣшнемъ сходствѣ ихъ проявленіи, остается пропасть, и нельзя одновременно находиться на обѣихъ ея сторонахъ. Одно должно умереть, чтобы родилось другое. Для русской интеллигенціи предстоитъ медленный и трудный путь перевоспитанія личности, на которомъ нѣтъ скачковъ, нѣтъ катаклизмовъ и побѣждаетъ лишь упорная самодисциплина. Россія нуждается въ новыхъ дѣятеляхъ на всѣхъ поприщахъ жизни: государственной—для осуществленія „реформъ“, экономической—для поднятія народнаго хозяйства, культурной—для работы на пользу русскаго просвѣщенія, церковной—для поднятія силъ учащей церкви, ея клира и іерархіи. Новые люди, если дождется ихъ Россія, будутъ искать и новыхъ практическихъ путей для своего служенія и помимо существующихъ программъ, и они откроются ихъ самоотверженному исканію.

Въ своемъ отношеніи къ народу, служенію которому своею задачею ставитъ интеллигенція, она постоянно и неизбѣжно колеблется между двумя крайностями—народопоклонничества и духовнаго аристократизма. Извѣстенъ также и космополитизмъ русской интеллигенціи. Интеллигенція еще не продумала національной проблемы, которая занимала умы только славянофиловъ, довольствуясь „естественными“ объясненіями народности. Национальная идея опирается не только на этнографическія и историческія основанія, но прежде всего на религіозно-культурныя, она основывается на религіозно-культурномъ мессіанизмѣ, въ который съ необходимостью отливается всякое сознательное національное чувство. Такъ это было у величайшаго носителя религіозно-мессіанской идеи—у древняго Израиля, такъ это остается и у всякаго великаго историческаго народа. Стремленіе къ національной автономіи, къ сохраненію національности, ея защитѣ—есть только отрицательное выраженіе этой идеи, имѣющее цѣну лишь въ связи съ подразумеваемымъ положительнымъ ея содержаніемъ. Такъ именно понимали національную идею крупнѣйшіе выразители нашего народнаго самосознанія — Достоевскій, славянофилы, Вл. Соловьевъ, связывавшіе ее съ мировыми задачами русской церкви или русской культуры. Церковная интеллигенція, которая под-

лишнее христіанство соединяла бы съ просвѣщеннымъ и яснымъ пониманіемъ культурныхъ и историческихъ задачъ, если бы таковая народилась, отвѣтила бы насущной исторической и національной необходимости. Въмѣсто того мы нынѣ видимъ, съ одной стороны, освободительно-просвѣтительное движеніе, неразрывно связанное съ религіозно-отрицательнымъ міровоззрѣніемъ, и, съ другой стороны, традиціонное православіе, которому недостаетъ пониманія культурныхъ и историческихъ задачъ. Поголовный почти уходъ интеллигенціи изъ церкви создалъ для послѣдней печальную культурную изолированность. Отрываясь отъ народной вѣры, интеллигенція неизбежно отрывается отъ народа, а защита народной вѣры съ столь же печальной неизбежностью все болѣе принимаетъ характеръ борьбы не только противъ интеллигенціи, но и противъ просвѣщенія, разъ оно въ дѣйствительности распространяется только чрезъ интеллигенцію,—обскурантизмъ становится средствомъ религіи. Это противоестественное для обѣихъ сторонъ положеніе, обострившееся именно за послѣдніе годы, дѣлаетъ современное состояніе наше особенно мучительнымъ.

Время интеллигенціи возвратиться въ ограду церкви. И есть въ ея обликѣ черты, которыя облегчатъ для нея этотъ возвратъ. Рядомъ съ антихристовымъ началомъ въ этой интеллигенціи чувствуются и высшія религіозныя потенціи, новая историческая плоть, ждущая своего одухотворенія. Это напряженное исканіе Града Божія, стремленіе къ исполненію воли Божіей на землѣ, какъ на небѣ, глубоко отличаются отъ влеченія мѣщанской культуры къ прочному земному благополучію. Уродливый интеллигентскій максимализмъ съ его практической непригодностью есть слѣдствіе религіознаго извращенія, но онъ можетъ быть побѣжденъ религіознымъ оздоровленіемъ.

Религіозна природа русской интеллигенціи. Достоевскій въ „Вѣсахъ“ сравнивалъ Россію и, прежде всего, ея интеллигенцію съ евангельскимъ бѣсноватымъ, который былъ исцѣленъ только Христомъ и могъ найти здоровье и восстановленіе силъ лишь у ногъ Спасителя. Это сравненіе остается въ силѣ и теперь. Легіонъ бѣсовъ вошелъ въ гигантское тѣло Россіи и сотрясаетъ его въ конвульсіяхъ, мучитъ и калѣчитъ. Только религіознымъ подвигомъ, незримымъ, но

великимъ возможно излѣчить ее, освободить отъ этого легіона. Интеллигенція отвергла Христа, она отвернулась отъ Его лика, исторгла изъ сердца своего Его образъ, лишила себя внутренняго свѣта жизни и платится, вмѣстѣ съ своею родиной, за эту измѣну, за это религіозное самоубійство. Но странно,—она не въ силахъ забыть объ этой сердечной ранѣ, возстановить душевное равновѣсіе, успокоиться послѣ произведеннаго надъ собою опустошенія. Отказавшись отъ Христа, она носитъ печать Его на сердцѣ своемъ и мечется въ безсознательной тоскѣ по Немъ, не зная утоленія своей жаждѣ духовной. И эта мятущаяся тревога, эта нездѣшная мечта о нездѣшной правдѣ кладетъ на нее свой особый отпечатокъ, дѣлаетъ ее такою странною, изступленною, неуравновѣшенной, какъ бы одержимою. А между тѣмъ Возлюбленный, Тотъ, о Комъ тоскуетъ душа ея, близокъ. Онъ стоитъ и стучится въ это сердце, гордое, непокорное интеллигентское сердце... Будетъ ли когда-нибудь услышанъ стукъ Его?..

II.

Таково содержаніе статьи С. Н. Булгакова. По ней читатель можетъ составить себѣ представленіе и о всемъ сборникѣ, хотя внѣ сомнѣнія индивидуальныя особенности каждой статьи, дающія критикамъ даже возможность „отмѣтить многочисленныя, то смѣшныя, то нелѣпыя противорѣчія отдѣльныхъ статей“. Я назвалъ статью С. Н. Булгакова лучшею въ сборникѣ. И слѣдуетъ, прежде всего, оцѣнить то обстоятельство, что тотъ „сенсационный“ шумъ, который созданъ около „Вѣхъ“ и въ которомъ крики—„пошлость“, „тупость“, „нелѣпость“—еще не покрываютъ другихъ голосовъ,—этотъ шумъ, какъ только критика начинаетъ различать между отдѣльными статьями сборника, менѣе всего возникаетъ по поводу статьи г. Булгакова, которому никто не отказываетъ въ серьезности мысли и глубокой религіозности. Затѣмъ важно, что именно г. Булгаковъ не затрогиваетъ тѣхъ вопросовъ, которые наиболѣе способны вызвать уличный шумъ и дальше всего отстоять отъ задачъ нашего журнала,—напротивъ, онъ преимущественно останавливается на близкомъ намъ религіозномъ вопросѣ. И въ этомъ отношеніи статья г. Булгакова вызываетъ на многія размышленія.

Неяснымъ у г. Булгакова является его сужденіе о религіозности нашей интеллигенціи: съ одной стороны, несомнѣнны нѣкоторыя черты глубокой религіозности интеллигенціи, съ другой стороны, нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская. Какъ примирить одно съ другимъ? И именно примирить, такъ какъ и то и другое, въ частности, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вѣрно то, что, напр., социализмъ, который входитъ составнымъ элементомъ въ *mixtum compositum* нашего освободительнаго движенія, не есть только политико-экономическая программа, но имѣетъ религіозный характеръ. Укажу по этому вопросу на статью г. Бердяева „Социализмъ какъ религія“ (въ его книгѣ „Новое религіозное сознаніе и общественность“). И въ самой революціи нѣкоторые изъ нашихъ писателей, какъ-то г. Мережковскій, видѣли или хотѣли бы видѣть религіозное дѣло. И теперь все еще онъ утверждаетъ: „Освобожденіе если еще не есть, то будетъ религіей; и религія если еще не есть, то будетъ освобожденіемъ“. Но также вѣрно и то, что первый догматъ интеллигентской вѣры—атеизмъ, вѣрнѣе сказать—борьба съ религіей. Интеллигенція—религіозно-атеистична. И если бы мы спросили отвѣта на вопросъ о такомъ характерѣ нашей интеллигенціи, о такомъ характерѣ нашей революціи—у самой революціонной интеллигенціи, то она намъ отвѣтила бы: ея политическая революція была вмѣстѣ съ тѣмъ религіозной революціей потому, что у насъ религія издавна связала себя съ опредѣленными политическими формами, что у насъ не было ни политической свободы религіозной жизни, ни религіозной свободы политической жизни. Корень религіозно-атеистическаго характера революціи въ стародавней привычкѣ религіознаго отношенія къ политикѣ и политическаго отношенія къ религіи.

Теперь спросимъ—доходитъ ли до этого корня г. Булгаковъ? Становится ли онъ на радикально новую точку зрѣнія, или его ладья плыветъ по старому теченію, по привычному шаблону? „Революція—говоритъ онъ—не удалась. Поэтому нужно лучше молиться Богу“. Но—позвольте—какой же переходъ отъ революціи къ религіи? Если вы съ такою легкостью отъ политическаго строительства переходите къ религіи, то, конечно, вы также легко перейдете отъ религіи къ политическому строительству, т. е. вы на религію *по*

старому смотрите съ утилитарно-общественной точки зрѣнія? Это чрезвычайно слабая сторона въ міровоззрѣніи „Вѣхъ“. Было бы странно, если бы критика не направила сюда свои неотразимые удары. И дѣйствительно критика не дремала.

„Мысль положить въ основаніе книги, претендующей на философское значеніе, берушейся рѣшать споръ о религіозномъ и не религіозномъ міровоззрѣніи, суммарный выводъ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ революціи и о виновникахъ такого исхода вообще нелѣпа и по существу недобросовѣстна. Если о столь сложныхъ явленіяхъ, какъ „революція“, „удача революціи“, „неудача революціи“, говорить какъ о чемъ-то простомъ, односложномъ и однозначномъ, то ничего вообще ни доказать, ни опровергнуть, ни даже пояснить нельзя; а отъ „революціи“ къ „религіи“ уже подавно прямыми путями не дойдешь. Но, усѣвшись именно на неудачѣ революціи, обличители выдали себя головою. Они расписались этимъ во всѣхъ тѣхъ грѣхахъ, за которые такъ яростно нападаютъ на интеллигенцію; они показали этимъ, что „портреты они пишутъ“ раньше всего съ себя. Максимализмъ, историческое непониманіе, политическая недѣловитость—все это вѣдь собрано, какъ въ фокусѣ, въ исторически невѣрномъ, политически вредномъ, поверхностномъ и легкомысленномъ утвержденіи: „революція провалилась“. И какое значеніе мы можемъ послѣ этого придавать всѣмъ разговорамъ этихъ людей о политическомъ воспитаніи, объ историческомъ опытѣ, объ исторической трезвости, самообладаніи, выдержкѣ, противопоставляемыхъ исторической нетерпѣливости, если они въ оцѣнкѣ нашей родной дѣйствительности, важнѣйшихъ сторонъ ея, выказываютъ себя ребячески—наивными, дѣтски — невѣжественными? Очевидно, все это только слова, взятая на прокатъ изъ душеспасительныхъ книжекъ“¹⁾.

Такъ пишетъ одинъ изъ оппонентовъ „Вѣхъ“. А вотъ что мы читаемъ у другого²⁾, который какъ бы продолжаетъ рѣчь перваго. „Обратитесь къ статьѣ г. Булгакова. ...„Христіанское подвижничество,—говоритъ онъ,—есть непрерывный

¹⁾ „Въ защиту интеллигенціи“ стр. 55—56.

²⁾ Ibid. 96—97.

контроль, борьба съ низкими, грѣховными сторонами своего я, аскеза духа... Христіанскій герой въ своей дѣятельности видитъ *прежде* всего *исполненіе* своего долга предъ Богомъ, Божіей заповѣди, къ нему обращенной... Нужно покаяться, т. е. пересмотрѣть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь въ ея глубинахъ и изгибахъ, чтобы возродиться къ новой жизни“... Все это понятно, это—проповѣди религіознаго человѣка, требующаго подвига ради душевнаго спасенія, вѣтъ земныхъ выгодъ, вѣтъ требованій вѣшняго благоустройства. Но когда рядомъ съ христіанской проповѣдью и какъ бы въ оправданіе ея и въ логической связи съ нею вы читаете: „Россія пуждается въ новыхъ дѣятеляхъ на вѣхъ поприщахъ жизни: государственной, экономической, церковной; новые люди, если дождется ихъ Россія, будутъ искать и новыхъ практическихъ путей для своего служенія и помимо существующихъ программъ, и—я вѣрю—они откроются ихъ самоотверженному исканію“,—когда вы читаете такія строки, вы видите, что „вселенская истина“ становится рабой практическихъ цѣлей, что между утилитарными стремленіями интеллигенціи и практическими возжеланіями тѣхъ, кто утилитарность ставитъ интеллигенціи въ вину, большой разницы въ этомъ отношеніи нѣтъ. Эту амальгаму душевнаго спасенія, вселенской истины, спасенія въ монастырѣ и кружечнаго сбора вы откроете не въ одной только указанной статьѣ. Вотъ почему нѣтъ большой охоты разбирать ученіе авторовъ „Вѣхъ“ по существу. Въ самомъ дѣлѣ, если, преслѣдуя извѣстные пороки, новое ученіе само дѣлаетъ эти пороки необходимой своею частью, то не будемъ ли мы близки къ истинѣ, если скажемъ, что безъ этихъ пороковъ, повидимому, нельзя обойтись, что даже мысль о лучшемъ строѣ души неизбежно соприкасается съ вопросомъ о „реформахъ“, о „клерѣ“ и „іерархіи“ церковной, т. е. о вѣшнемъ устроительствѣ общественной жизни“...

Особенно печально это старое смѣшеніе разныхъ сферъ въ отношеніи г. Булгакова къ національному вопросу. Нельзя колебаться ни одной минуты, чтобы признать съ нимъ величайшимъ нашимъ зломъ издокрацію и космополитизмъ. Обращеніе интеллигенціи къ народной мудрости и національной традиціи—фактъ чрезвычайной важности. Все мы были свидѣтелями недавней безпощадной, отвлеченной притяза-

тельности нашей молодежи, предъ которой умолкла осмѣянная мудрость, и космополитической безудержности, глумившейся надъ народными святынями. Время стать твердою ногою на національную почву, безъ которой не совершится никакое великое народное дѣло. И мы отъ души, съ восторгомъ привѣтствуемъ обращеніе нашей интеллигенціи къ національной идеѣ, которую у насъ до сего времени лишь позорили эксцессы „истинно-русскихъ людей“. Но чѣмъ же въ рецензируемомъ нами сборникѣ утверждается національная идея? на чемъ она основывается? На религіозномъ мессіанизмѣ, который процвѣталъ „у древняго Израиля“... Возможно ли не пожалѣть что столь высокая идея утверждается на такомъ непрочномъ основаніи? Ибо кому же не извѣстно, что взлелѣянная Достоевскимъ, славянофилами, Вл. Соловьевымъ идея русскаго мессіанизма совершенно не состоятельна съ *христіанской* точки зрѣнія и никогда не вносила никакого примиренія въ русское общество? Участники сборника вынули для защиты своей идеи изъ арсенала старое, заржавленное, никуда негодное оружіе. Религіозно несостоятельная, эта идея и крайне непрактична. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вопросъ о нашемъ космополитизмѣ есть именно вопросъ объ участіи въ нашемъ освободительномъ движеніи и въ нашей литературѣ евреевъ: это не съ точки зрѣнія „крайнихъ правыхъ“, а по существу дѣла ¹⁾. Не кто другой (ужъ не поляки же), какъ евреи вносятъ въ нашу атмосферу космополитизмъ. И вотъ участники „Вѣхъ“ не находятъ ничего лучшаго, какъ заговорить о мессіанизмѣ, процвѣтавшемъ „у древняго Израиля“. Не значить ли это подливать масла въ огонь,—будить мессіанизмъ евреевъ?..

III.

Обо всемъ этомъ можно было бы долго говорить. Но мнѣ хотѣлось бы громко заговорить о другомъ.

Въ лицѣ участниковъ сборника „Вѣхъ“ и, ближе всего, въ лицѣ С. И. Булгакова наша интеллигенція обращается къ православной церкви. Это фактъ, переоцѣнить который невозможно. Возникшая со времени Петра пропасть между нашей интеллигенціей и церковью впервые начинаетъ за-

¹⁾ См. сборникъ „По вѣхамъ“

сыпаться,—дѣлаются первые шаги къ этому, первый опытъ. Какъ же къ нему отнесется наша церковь? Внимательно, одобрительно, можетъ быть. Даи Богъ. Но это далеко не все, что требуется въ данную минуту отъ представителей нашей церкви. Участники „Вѣхъ“ на своемъ пути отъ марксизма, съ котораго почти всѣ они начали, до религіи и національной идеи значительно поправѣли. Но какъ бы они ни поправѣли въ (политическомъ и) религіозномъ отношеніи, они никогда не откажутся отъ одного—отъ свободы богословской мысли. И единственно чѣмъ церковь наша можетъ плодотворно отозваться на это движеніе интеллигенціи къ православію, это—духъ свободы религіозной мысли, предоставленіе ею своимъ членамъ права свободнаго религіознаго исканія... Это слишкомъ ясно...
